

На правах рукописи

СУДЗУКИ ЮЯ

КОНКУРС НА ДВОРЕЦ СОВЕТОВ 1930-х гг. в МОСКВЕ и
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Специальность 17.00.04 –
изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном научно-исследовательском учреждении «Государственный институт искусствознания» Минкультуры РФ, в Секторе «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России»

Научный руководитель:

Шорбан Екатерина Антоновна – кандидат искусствоведения

Официальные оппоненты:

Малинина Татьяна Глебовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительного искусства Российской академии художеств

Васильев Николай Юрьевич – кандидат искусствоведения, Московский музей дизайна, куратор.

Ведущая организация:

Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН)

Защита состоится 05 июня 2014 г. в 14 часов на заседании Диссертационного Совета Д 210.004.02 в ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания» по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер., д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания» (Москва, Козицкий пер., д. 5) и на сайте института: www.sias.ru

Автореферат разослан2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,

кандидат искусствоведения

А.И. Струкова

Предлагаемая к защите диссертация посвящена интереснейшему все еще недостаточно изученному периоду развития советской и мировой архитектуры XX века – 1930-м годам. Одно из наиболее значительных «этапных» явлений данного периода – конкурс на здание Дворца Советов 1931–1933 гг. в Москве. Этот конкурс совпал по времени и во многом определил по содержанию стилистический переход советской архитектуры от авангарда к неоклассике или шире – традиционализму, использованию «наследия прошлого», утвердившемуся в советском зодчестве во 2-й половине 1930-х гг. и продолжавшемуся до середины 1950-х гг. Несмотря на во многом насильственный характер смены стилистической направленности советской архитектуры 1930-х гг., нельзя отрицать существования в 1920-е гг. живой традиции неоклассического стиля, берущей начало в неоклассицизме дореволюционных лет и представленной в те годы широким кругом опытных мастеров зодчества, имевших большую практику строительства еще в 1900-е – 1910-е гг. Эта традиция получила продолжение в 1930-е гг. во многих ярких произведениях, в том числе в части проектов конкурса на Дворец Советов. Вместе с тем, материалы конкурса, на который поступило около 300 работ советских и зарубежных авторов, в наиболее объемном по числу участников втором туре демонстрируют подавляющее доминирование в начале 1930-х гг. авангардного направления. Задача данного исследования – попытаться изучить особенности сложной и неоднозначной «архитектурной реальности» данного времени. Кроме того, в диссертации сделана попытка, наряду с детальным рассмотрением архитектурного материала, выйти за пределы формально-стилистического анализа проектов и использовать конкурс в качестве ключа к раскрытию и новому пониманию глобальных процессов в истории советской и зарубежной архитектуры 1930-х гг.

Актуальность исследования.

Переходные периоды от одного художественного стиля к другому характерны для всей истории европейской архитектуры на протяжении двух с половиной тысячелетий. Изучение каждого такого этапа актуально и

необходимо – именно в подобное переходное время возникает особое повышенное напряжение творческих сил и фантазий зодчих, повышается концентрация идей формообразования, дающая яркие и разнообразные результаты. В истории советского зодчества 1930-е годы являются одним из таких переходных периодов, ещё мало изученных в силу ряда объективных причин. Особенности неоднократной смены стилистической ориентации советской архитектуры и её тесной связи с этапами во многом трагической истории страны привели к тому, что в 1930-е – 1950-е гг. архитектурная критика была лишена возможности объективной оценки как авангардного зодчества 1920-х гг., так и официально поддержанного советской властью традиционализма 1930-х – 1950-х гг. После поворота советской архитектуры к интернациональному стилю, в 1960-е – 1980-е гг. оказалась «под запретом» неоклассика предыдущего периода; с практикой заведомо отрицательного отношения к архитектуре «сталинской неоклассики» иногда можно встретиться и сегодня. Все же, 80-летняя временная дистанция, прошедшая после проведения конкурса на Дворец Советов в Москве, позволяет отказаться от односторонне-идеологизированного подхода к этой архитектуре и попытаться выявить и рассмотреть собственно художественную составляющую этого явления. Автор данной работы должен признать, что и сам он в начале исследования, преимущественно стоял на односторонней позиции понимания этой архитектуры как «тоталитарной архитектуры» (даже не «архитектуры эпохи тоталитаризма»). Только в процессе детального изучения материала, начало приходит понимание о гораздо большей сложности и богатстве этого искусства, этих творческих поисков, не смотря на давление идеологической надстройки того времени на любого архитектора. Как и во всех видах советского искусства 1930-х гг., ростки настоящего живого творчества пробивались несмотря ни на какие идеологические установки, что называется «вопреки» генеральной линии тоталитарного режима. Точно так же, как в советской литературе 1930-х гг. существовало «программное» направление «Фадеевых» и новаторское живое искусство «Платоновых» и «Пришвиных» –

так и в советской архитектуре существовали разные линии стиля. При чём, подчеркнём (об этом весьма метко пишет исследователь архитектуры этого периода Д. Хмельницкий) – что дело касалось не просто смены одной стилистики на другую (в данном случае смены авангарда на неоклассику). Нельзя отрицать, что смена стилистической направленности советской архитектуры в 1930-е гг. отчасти соответствовала и тенденциям развития мирового зодчества, где также, в большинстве стран Европы, а также и в США и Японии, усилились традиционализм и неоклассика. Разница была в том, что в ряде относительно демократических стран, архитектурное многообразие имело мирный характер сосуществования при огромной амплитуде стилей¹, тогда как в СССР смена стилистической направленности стала инструментом «коллективизации» архитектуры, превращения советских архитекторов в послушных исполнителей, призванных выразить своими работами величие и незыблемость абсолютной власти. Более мобильные виды искусства – литература, живопись, скульптура – быстрее отреагировали на стилистический поворот и наполнили страну пафосными вульгарно-натуралистическими работами. Архитектура – в силу специфики этого вида искусства, когда для воплощения каждого объекта требуются годы – не могла отреагировать на директивные указания мгновенно. В 1930-е гг. по всей стране достраивали крупнейшие архитектурные комплексы в стилистике авангарда². Восприятие новой, «утвержденной» властью, стилистики в духе «освоения наследия прошлого» также происходило медленно даже в среде тех проектировщиков нового поколения, которые были готовы к любым компромиссам и стремились безоговорочно исполнять указания сверху, но не имели соответствующего

¹ Например в США, от ультра-авангардных экспериментальных построек – до широкого спектра эклектических направлений и до откровенно копировавших памятники прошлого «неогреческого» стиля или «неоренессанса».

² Убедительный перечень наиболее значительных сооружений в формах авангардной архитектуры 1-й половины 1930-х гг. помещен в книге С.О. Хан-Магомедова: театр в Ростове-на-Дону (В. Шуко, В. Гельфрейх, 1930-1935), Дом проектных организаций в Харькове (С. Серафимов, М. Зандберг-Серафимова, 1930-1933), Дом Правительства в Минске (И. Лангбард, 1929-1934), здание Наркомзема в Москве (А. Щусев, 1929-1933), Дворец культуры ЗИЛ (братья Веснины, 1931-1937), комбинат «Правда» (П. Голосов, 1929-1935). См.: С.О. Хан-Магомедов. Архитектура советского авангарда. В двух кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996 г. С. 628.

академического образования «в исторических стилях». Кроме того, в силу меньшей изобразительности и большей отвлеченности, архитектура могла и в рамках поставленных задач обратиться к решению абстрактных вопросов формообразования и построения пространства. Всю эту сложную архитектурную реальность отразили проекты конкурса на Дворец Советов, образующие уникальную коллекцию архитектурных идей в разной стилистике. Рассмотрение и анализ этих проектов с позиций «надвременного» их исследования, как объектов «чистого искусства», сегодня представляется своевременным и актуальным.

Второй стороной актуальности темы исследования именно сегодня, в начале XXI века, являются особенности нынешнего периода архитектурного развития – периода мирового кризиса архитектуры конца XX – начала XXI столетий, кризиса стиля и образности зодчества (это неоднократно подтверждалось на всех общемировых съездах архитекторов последних лет). Сегодняшний период, как это ни парадоксально, отчасти близок эпохе 1930-х гг.: еще в 1980-е гг. стала очевидной полная несостоятельность выхолащенной «современной архитектуры» XX в., особенно в области градостроительства. Пришедший ей на смену постмодернизм, отчасти ориентированный на использование исторического архитектурного наследия, на деле оказался чрезвычайно легковесным направлением, неспособным решать масштабные художественные задачи гармонизации жизненной среды (не говоря уже о крайнем «левом» крыле современного строительства – деконструктивизме, оказавшемся средоточием архитектурного эпатажа). В этой ситуации, представляется необходимым обращение к наследию прошлого – в рамках нашей темы – и к авангардной, и к традиционалистской архитектуре 1930-х годов в проектах конкурса Дворца Советов.

Степень изученности темы исследования.

Список трудов, посвященных советской архитектуре 1930-х гг., насчитывает не одну сотню наименований³. В силу того, что конкурс на Дворец Советов был тесно связан с идеологической надстройкой того времени, отношение исследователей и оценка его значения в XX веке варьировались в зависимости от характера каждого исторического периода. Работы собственно 1930-х гг. имеют ценность, прежде всего с точки зрения фактологии, как документы той исторической эпохи – чрезвычайно сложной и драматической для развития архитектуры. Изучая труды 1930-х – 1950-х гг. по теории архитектуры и искусства, необходимо иметь в виду, что работы с объективной независимой позицией, в силу особенностей идеологической ситуации, как правило, не могли быть опубликованы в те годы и оставались на страницах рукописей и дневников⁴. Эти материалы до сих пор ещё недостаточно выявлены и опубликованы. Зарубежная литература 1930-х – 1950-х гг., касающаяся советской архитектуры 1930-х гг., была в основном связана с непосредственной протестной реакцией западных архитекторов и теоретиков искусства на инициированный руководством страны в начале 1930-х гг. поворот архитектуры СССР от стилистики авангарда к традиционализму, «использованию классического наследия прошлого». В этом смысле, западная критическая литература 1930-х – 1950-х гг. достаточно односторонняя: в основном она посвящена вопросам давления, а затем фактического запрещения тоталитарным советским строем искусства и архитектуры авангарда. Собственно советской архитектурной неоклассике, как художественному явлению, в исследованиях западных искусствоведов 1930-х – 1950-х гг. уделялось сравнительно мало внимания.

³ Только в книге американского исследователя А. Сенкевича, посвященной библиографии по советской архитектуре периода 1917 – 1962 гг. насчитывается 1187 наименований. Преобладающая их часть – статьи в советской архитектурной периодике. См.: Anatole Senkevitch, Jr. *Soviet Architecture 1917-1962. A Bibliographical Guide to Source Material*. Charlottesville: Univ. Press of Virginia, 1974. 284 p.

⁴ Часть таких документов в 1960-е – 2000-е гг. была опубликована в двухтомнике «Мастера советской архитектуры об архитектуре» (М., 1975 г.), в многочисленных монографиях 1970-х – 1980-х гг. (в серии «Мастера архитектуры»), посвященных творчеству крупнейших зодчих того времени, а также в трудах С.О. Хан-Магомедова 1990-х – 2100-х, привлекающего при создании «творческого портрета» каждого архитектора той эпохи уникальные материалы частных архивов.

В 1960-е – 1980-е гг. в советской историко-архитектурной науке, посвященной зодчеству 1920-х – 1950-х гг., произошли большие качественные изменения. Появилась целая плеяда исследователей, усилия которых, прежде всего, были направлены на изучение архитектуры авангарда 1920-х – начала 1930-х гг., и на актуальные проблемы развития советской архитектуры. Так называемая, «сталинская неоклассика» рассматривалась чрезвычайно мало, что было связано с общей ориентацией советской архитектуры с 1960-х гг. (а по официальным документам с середины 1950-х гг.) на интернациональный стиль, наследовавший авангарду 1920-х гг. Правда, в изданиях обобщающего характера – учебниках по истории советской архитектуры или томах ВИА (Всеобщей истории архитектуры⁵) нельзя было совсем пропустить три десятилетия советской архитектуры, но говорилось об этом явлении кратко и обобщенно. В основном рассматривалось строительство послевоенного периода: восстановление городов, создание крупных градостроительных комплексов. Архитектура же 1930-х гг., гораздо более сложная и неоднородная по стилю, оставалась в тени. Одной из наиболее проблемных, если не запретных, тем – был конкурс на Дворец Советов в Москве. Вместе с тем, обращаясь к творчеству отдельных архитекторов, к архитектуре конкретных городов, исследователи не могли, хотя бы косвенно, не касаться зодчества 1930-х гг. Не претендуя на полноту, попробуем перечислить исследователей 1960-х – 1980-х гг., обращавшихся к истории советской архитектуры. Это М.И. Астафьева-Длугач, К.Н. Афанасьев, М.Г. Бархин, Е.А. Борисова, Ю.П. Бочаров, Н.Н. Брновицкая, Н.П. Былинкин, Г.Д. Быкова, А.И. Власюк, А.А. Воинов, П.А. Володин, Волчек, В.Л. Глазычев, А.П. Гозак, В.Г. Давидович, А.М. Журавлев, А.В. Иконников, Г.П. Каждан, И.А. Казусь, В.Н. Калмыкова, А.Я. Ковалев, И.В. Коккинаки, А.Ф. Крашенинников, Т.Г. Малинина, Н.А. Наумова, Е. Овсянникова, В.И. Павличенков, А.В. Повелихина, Резвин, В.Л. Ружже, А.В.

⁵ Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 1. Кн. 1. Архитектура СССР. Гл. ред. Н.В. Баранов. М. 1975. В этом фундаментальном труде, хотя конкурсу на Дворец Советов и не уделено много места, но сделана попытка объективного рассмотрения переходного периода в советской архитектуре начала 1930-х гг. См: указ. соч., с. 15, 102, 261.

Рябушин, Ю.Ю. Савицкий, Т.Н. Самохина, Г.В. Сергеева, Н.А. Смурова, Н.Б. Соколов, А.А. Стригалева, Е.А. Тарасова, В.Э. Хазанова, О.Х. Халпахчян, С.О. Хан-Магомедов, И.Н.Хлебников, А.И. Целиков, Т.А. Чижикова, А.Г. Чиняков, О.А. Швидковский, Е.Ф. Шумилов, И.Ю. Эйгель, Ю.Я. Яралов и многие другие. В 1980-е – 2000-е гг. ряды исследователей советской архитектуры пополнили такие специалисты, как А.Н. Брновицкая, Н.Ю. Васильев, Н.О. Душкина, М.В. Евстратова, Ю.Л. Косенкова, Н.П. Крадин, М.Г. Меерович, М.В. Нащокина, О. Панин, Г.Ю. Ревзин, Н.С. Сапрыкина, Вл. В. Седов, А.Н. Селиванова, А.Ю. Тарханов, Л.И. Токменинова, Д. Хмельницкий, И.В. Чепкунова, И.С. Череди́на, Д.О. Швидковский, М.С. Штиглиц и многие другие.

За рубежом, в Европе и Америке, в 1960-е – 1990-е гг. также сложилась значительная группа историков советской архитектуры. Среди наиболее известных исследователей – Анатолий Сенкевич (США), Анато́ль Копп⁶ (Франция), Жан-Луи Коэн⁷ (Франция - США), Кетрин Кук⁸ (Великобритания), Питер Лизон (США), Александра Латур (Италия) и многие другие. Отметим, что западные специалисты, не скованные идеологическим давлением, раньше стали обращаться к «сталинскому неоклассицизму», нежели российские исследователи. Однако основное внимание в трудах зарубежных исследователей, обращенных к 1930-м гг., по-прежнему уделялось принудительному повороту стилистической направленности советской

⁶ Копп, А. *Town and revolution: Soviet Architecture and City planning* [Text] / А. Копп. – London, 1970; Копп, А. *Constructivist Architecture in Soviet Union* [Text] / А. Копп. – London, 1972.

⁷ Jean-Louis Cohen. *Avant-garde et revues d'architecture en Russie, 1917-1941*. // *Revue de l'Art*, 1990, No. 89. P. 29-38. Этому же автору принадлежат важные работы, посвященные русско-американским связям этого периода: Jean-Louis Cohen. *L'Oncle Sam au pays des Soviets: Le temps des avant-gardes*. // *Americanisme et modernite: L'ideal americain dans l'architecture*. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1993.

⁸ Многочисленные работы Кетрин Кук преимущественно посвящены архитектуре советского авангарда, хотя она обращалась и к зодчеству 1930-х гг. Одной из ее заметных публикаций по советской архитектуре переходного периода 1930-х гг. является раздел в фундаментальном коллективном труде «Великая утопия», приуроченном к выставке советского авангарда в музее Гуггенхайма: Catherine Cooke. *Mediating Creativity and Politics: Sixty Years of Architectural Competitions in Russia*. // *The Great Utopia: The Russian and Soviet Avant-Garde, 1915-1932*. New-York: Solomon R. Guggenheim Museum, 1992. P. 680-715. Важная работа И.А Казуся и К.Кук посвящена советским архитектурным конкурсам 1920-х – 30-х гг.: С. Cooke, I. Kazus. *Soviet Architectural Competitions, 1920s – 1930s*. London, 1992.

архитектуры⁹. В конце 1970-х – 1980-х гг., в связи с развитием в мировой архитектуре течения постмодернизм, язык советской неоклассики стал особенно интересен зарубежным исследователям. Одновременно в конце 1980-х – 1990-х гг., вследствие общего потепления отношений между Россией и Западом и появления возможности свободного посещения разных стран, начались встречные процессы углубленного изучения советской архитектуры как западными, так и российскими специалистами, публикации фундаментальных трудов российских исследователей за рубежом, и зарубежных исследователей в России. Этому способствовали многочисленные устроенные в России и за рубежом выставки Музея архитектуры им. А.В. Щусева, посвященные советскому строительству разных периодов и разным явлениям, в том числе непосредственно конкурсу 1930-х гг. на Дворец Советов в Москве¹⁰, творчеству Б.М. Иофана, И.В. Жолтовского, А.В. Щусева и других зодчих.

Традиционно специалисты запада 2-й половины XX в. рассматривали архитектуру «сталинского неоклассицизма» с позиций критики политической и идеологической ситуации в СССР 1930-х гг.¹¹. Наиболее серьезная работа в рамках этого направления науки была сделана выходцем из СССР В. Паперным в его книге «Культура Два», впервые опубликованной в США на русском языке в 1985 г.¹². В книге В. Паперного культура, и в частности архитектура, рассматривается на фоне политической и идеологической ситуации в стране. В рамках этой линии нельзя не отметить работу 1992 г. американского исследователя Питера Лизона «Дворец Советов: Парадигма архитектуры в

⁹ R. Conquest. The great terror. Stalin's purge of the thirties. Aurora, 1974.

¹⁰ Филлюкова Н.И. Каталог коллекции проектов конкурса на Дворец Советов Музея им. Щусева в Москве. М., 1989; Итальянский Дворец Советов. М., 2006.

¹¹ Например: Hugh D. Hudson, Jr. Blueprints and Blood: The Stalinization of Soviet Architecture, 1917-1937. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. К этой работе близки по методологии исследования Б. Гройса и И. Голомштока (Тоталитарное искусство. М., 1994).

¹² В. Паперный. Культура Два. США: «Ардис», 1996. На английском языке книга вышла в 2002 г.: V. Paperny. Architecture in the Age of Stalin. Cambridge University Press, 2002.

СССР»¹³. В 1990-е – 2000-е гг. это направление исследований продолжил Д. Хмельницкий¹⁴.

Особый вклад в изучение советской архитектуры первых двух десятилетий, развитие теории архитектуры этого периода и публикацию масштабных по глубине и объему новых материалов (в России и за рубежом) внёс в 1960-е – 2010-е гг. выдающийся исследователь советской архитектуры С.О. Хан-Магомедов, автор более 400 научных трудов, опубликованных во многих странах мира. Помимо фундаментальных монографических исследований конца 1980-х – 2000-х гг.¹⁵, таких, как например, двухтомник «Архитектура советского авангарда» и другие, в 2000-х – начале 2010-х гг. С.О. Хан-Магомедов и его соратники опубликовали в серии «Творцы авангарда» более двух десятков объемистых книг, посвященных творчеству отдельных мастеров советской архитектуры, как известных, так и мало известных. Не смотря на то, что С.О. Хан-Магомедов преимущественно занимался зодчеством 1920-х гг., значительная часть его исследований посвящена и переходному периоду начала 1930-х гг. и даже во многом архитектуре всего десятилетия 1930-х гг. Отличие работ С.О. Хан-Магомедова от исследований его коллег 1960-х – 1980-х гг. заключается во всестороннем рассмотрении всей совокупности разнообразных явлений, происходивших в советском зодчестве 1920-х – 1930-х гг. (на основе большого числа архивных текстовых материалов и проектов), без вычленения какого-то одного стилистического направления.

¹³ Lizon P. The Palace of Soviets - the Paradigm of Architecture in the USSR. Colorado: Three Continents Press INC, 1992.

¹⁴ Д. Хмельницкий на чрезвычайно широком фактологическом документальном материале (от постановлений правительства СССР, до выступлений архитекторов и критиков в прессе 1930-х гг.) рассматривает процесс насильственного слома архитектуры и архитекторов авангарда и перехода к «наследию прошлого». При этом для иллюстрирования архитектурных процессов Д. Хмельницкий обращается непосредственно к нескольким проектам конкурса на Дворец Советов, однако рассматривает их, преимущественно, не с позиций художественной выразительности, а скорее с точки зрения степени готовности «добровольного подчинения» каждого автора диктаторским требованиям власти. См.: Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007.

¹⁵ С.О. Хан-Магомедов. Архитектура советского авангарда. В 2-х кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М. 1996. Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001; Он же. Конструктивизм – концепция формообразования. М., 2003; Он же. Александр Веснин и конструктивизм. М., 2007; Он же. Рационализм – «формализм». М., 2007.

Применение именно такого подхода автор данной диссертационной работы рассматривает для себя в качестве наиболее правильного.

Объект исследования. Архитектура проектов конкурса на Дворец Советов в Москве 1931–1933 гг. и окончательного проекта 1933–1941 гг. Зодчество 1930-х гг. в СССР и международный архитектурный контекст.

Предметом исследования являются особенности архитектурного развития 1930-х гг. в СССР и в ряде зарубежных стран. Изучение многообразия стилистических направлений в зодчестве того времени, соотношения авангардного и традиционалистского направлений.

Цель исследования. На основе изучения материалов конкурса на Дворец Советов в Москве, а также ряда других, родственных явлений архитектурной жизни 1920-х – 1930-х гг., реконструировать картину архитектурной реальности 1930-х гг. Выявить особенности стилистического и образно-композиционного развития советской архитектуры 1930-х гг. на фоне общемировых процессов в зодчестве.

Задачи исследования

- выявление основных проблем современного осмысления места и роли советской архитектуры 1930-х годов, и, особенно, такого «знакового» события этого периода, как конкурс на Дворец Советов, в общей картине развития зодчества XX века;
- обращение к феномену идеи создания «главного здания страны» и к образно-стилистическим поискам в архитектуре первых лет советской власти на примере конкурсов на Дворец рабочих в Петрограде и Дворец труда в Москве;
- исследование политико-идеологического контекста конкурса на Дворец Советов;
- исследование архитектурного контекста конкурса на Дворец Советов на основе практики строительства конца 1920-х – 1930-х гг.;
- изучение всех этапов организации и проведения конкурса на Дворец Советов 1930-х гг. на основе текстовых материалов;

- изучение большинства проектов, представленных на каждый тур конкурса на Дворец Советов; анализ образно-стилистических и композиционных решений;
- изучение проектов этапа сложения окончательного варианта Дворца Советов, принятого к строительству;
- выявление особенностей рабочего проектирования на основе окончательного варианта здания Дворца Советов;
- выявление причин стилистической близости окончательного варианта проекта Дворца Советов формам ар деко;
- изучение особенностей стилистического развития архитектуры 1920-х – 1930-х гг. в ряде стран с различными государственными системами – как тоталитарными, так и демократическими (Германия, Италия, США, Япония) и выявление общих явлений и различий в мировом архитектурном процессе данной эпохи.

Хронологические границы исследования охватывают, прежде всего, период проведения четырех туров конкурса на Дворец Советов в 1931–1933 гг. и окончательной доработки проекта в 1933–1941 гг. Для более объемного и глубокого понимания феномена конкурса на Дворец Советов, изучения его предпосылок в советском зодчестве и международного архитектурного контекста, хронологические рамки исследования расширены включением советской и зарубежной архитектуры предшествующего периода конца 1910-х – 1920-х гг.

Источники исследования.

Материалы конкурса на Дворец Советов 1931–1933 гг. – около 300 графических проектов, представленных на четыре тура конкурса, а также, графические материалы этапа формирования окончательного варианта Дворца Советов 1933 г. – конца 1930-х гг., опубликованные в архитектурных журналах 1930-х гг. «Архитектура СССР», «Строительство Москвы», «Советская архитектура», а также в книгах о мастерах советской архитектуры, монографиях, проспектах выставок ГНИМА им. А.В. Щусева. Архивные графические и текстовые документы из фонда Управления Строительством

Дворца Советов в Центральном Архиве Города Москвы, фонда И.П. Машкова в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства, ГНИМА им. А.В. Щусева (Москва). Текстовые архивные и опубликованные документы: программы туров конкурса, официальные постановления по результатам каждого тура, протоколы и документы Совета Строительства Дворца Советов и Управления Строительством Дворца Советов. Советская и зарубежная архитектурная критика 1930-х гг. Материалы «конкурсов – предшественников» на крупнейшие этапные общественные сооружения 1918–1920-х гг. (конкурсы на Дворец Рабочих 1918-1919 гг. в Петрограде и Дворец Труда 1923 г. в Москве): графические и текстовые архивные и опубликованные документы. Монографические работы российских и западных исследователей, посвященные архитектуре 1930-х гг. разных стран мира¹⁶ – Германии, Италии, США, Японии.

Методической основой работы является принцип рассмотрения материалов в хронологической последовательности и метод объективного художественно-стилистического сравнительного анализа композиций проектов конкурса Дворца Советов в Москве. Для понимания генезиса процессов в практике архитектурного проектирования привлекается широкий круг исторических документов того времени. Одновременно, для получения более масштабных обобщений, сделана попытка использования «вневременного» абстрактного анализа художественной формы, что способствует объективизации оценки архитектурного материала. Для включения конкурса в мировой историко-архитектурный контекст и понимания его исторической роли используется метод расширения хронологических и географических границ исследования.

Научная новизна работы.

В рамках данного исследования впервые сделана попытка рассмотрения максимально полной совокупности всех представленных на конкурс Дворца

¹⁶ Например, Гнедовская Т.Ю. Немецкий Веркбунд и его архитекторы. М., 2011.; Маркин Ю.П. Искусство Третьего Рейха. Архитектура. Скульптура. Живопись. М., 2012; Leeuwen, Thomas A.P. van. The Skyward Trend of Thought. The Metaphysics of the American Skyscraper. The MIT Press, Cambridge, Mass., 1988, и др.

Советов проектов. Проведена классификация всех версий Дворца Советов и проанализированы изменения композиций и архитектурного стиля на протяжении всех туров конкурса 1930-х гг. Проведенный анализ, основанный на возможно более объективном изучении данного явления архитектуры, позволяет преодолеть ранее доминировавшие в искусствоведении односторонние его оценки и взглянуть на весь корпус проектов конкурса на Дворец Советов как на богатейший, ранее недостаточно исследованный, источник архитектурных идей, как в стилистике экспериментальной архитектуры, так и в стилистике разных направлений традиционализма.

Положения, выносимые на защиту.

Зодчество первых четырех десятилетий XX в., которое долгое время рассматривалось односторонне и дискретно с точки зрения возникновения и роста языка геометризированной «современной архитектуры» или интернационального стиля, в реальности, с точки зрения бытования стилей и количества построек в новаторской и традиционалистской манерах – является прямым наследником многостилевой архитектуры 2-й половины – конца XIX века.

Первые знаковые для истории советской архитектуры конкурсы на «главное общественное здание советской страны» – конкурс на Дворец рабочих в Петрограде 1919 г. и конкурс на Дворец труда в Москве 1922–1923 гг. продемонстрировали, с одной стороны, доминирование различных вариаций романтического традиционализма, а с другой – появление к 1922 г. нового экспериментального течения, выразившегося в проектах К. Мельникова и братьев Весниных. Причем, не только работы в русле нового направления, но и традиционалистские версии Дворца рабочих и Дворца труда сегодня представляют значительную ценность как яркие студии в духе экспрессионизма.

Несмотря на общепризнанное лидерование советской авангардной школы 1920-х гг. в мировом художественном процессе, архитектурная реальность в советской России конца 1920-х гг. характеризуется сосуществованием

новаторского и традиционалистского направлений, при чем последнее было представлено значительным числом опытных мастеров, мысливших и строивших в рамках изобразительного языка неоклассики и историзма: наиболее ярким оригинальным явлением в рамках неоклассицизма стала «красная дорика» И.А. Фомина; другим важнейшим направлением являлся неоренессанс И.В. Жолтовского и его школы. Мастера нового поколения, такие как Б.М. Иофан (на рубеже 1910-х – 1920-х гг. работавший в Италии) постепенно нащупывали еще один «третий путь» развития архитектурного стиля, в котором соединились язык авангардной архитектуры и классицистические принципы регулярности и декорирования упрощенным орденом (Дом правительства на набережной Москвы-реки).

Конкурс на Дворец Советов в Москве 1931-34 гг. хотя и был организован руководством СССР и ознаменовал официально утвержденный поворот советского зодчества к традиционализму и «освоению наследия прошлого», одновременно стал крупнейшим событием в истории мировой архитектуры первой половины XX века. Каждый из четырех туров конкурса на Дворец Советов отличается своеобразием и сегодня, с позиций «чистого искусства», представляет чрезвычайно большой интерес с точки зрения вопросов формообразования и поисков выразительности при проектировании крупного общественного зрелищного комплекса.

При рассмотрении всей совокупности более 300 участвовавших в четырех турах конкурса на Дворец Советов проектов обнаруживается неожиданный вывод: преобладающее число работ, особенно благодаря наиболее многочисленному второму открытому международному туру, выполнены в стилистике экспериментальной архитектуры авангарда. Коллекция этих проектов представляет собой еще не до конца оцененное собрание интереснейших композиционных идей. Меньшая по числу группа проектов в стилистике традиционализма, также представляет значительный интерес, демонстрируя чрезвычайное разнообразие художественных трактовок наследия зодчества от переработки форм европейского средневековья и ренессанса до

выдающихся по эмоциональной силе романтических неоклассицистических композиций в духе Пиранези.

Для понимания роли и места конкурса на Дворец Советов и шире – советской архитектуры 1930-х гг. в мировом архитектурном процессе – в работе сделана попытка рассмотрения мирового архитектурного контекста этой эпохи. Обращение к многоплановой архитектурной реальности первых четырех десятилетий XX в. в Германии, Италии, США, Японии, и ряде других стран Европы, позволяет говорить о *параллельности развития* течений традиционализма и новаторства в зодчестве всех без исключения государств. Соотношение и характер разных стилистических направлений в каждой стране был своеобразным и зависел от традиции художественного развития и особенностей социально-политического и экономического развития.

Теоретическая и практическая значимость работы.

С теоретической точки зрения данное исследование позволяет глубже понять особенности и закономерности такого сложнейшего переходного этапа в развитии советской и мировой архитектуры XX века, каким являются 1930-е гг. Обращение к обширнейшему корпусу проектов конкурса на Дворец Советов 1930-х гг. в Москве вводит в научный оборот уникальный по богатству и разнообразию художественных решений архитектурный материал. Рассмотрение основного объекта исследования – конкурса на Дворец Советов – на фоне широкого международного контекста, позволяет по-новому оценить место советского зодчества 1930-х гг. в мировом архитектурном процессе этой эпохи.

Результаты и методика работы могут быть использованы при углубленном исследовании других малоизученных явлений в истории архитектуры XX века.

С практической точки зрения, в условиях современного кризиса мировой архитектуры в области развития стиля и формообразования, материалы диссертации могут послужить важным источником для современных проектировщиков при создании масштабных градостроительных проектов и разработке общественных зрелищных сооружений.

Материалы диссертации, её выводы и результаты, представляют интерес как для специалистов по истории и теории архитектуры, так и для широкого круга лиц, интересующихся историей и генезисом культурно-исторических процессов XX века.

Апробация работы.

Проблематика диссертации, положения работы и результаты исследования были доложены и обсуждены на заседаниях сектора «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России» Государственного института искусствознания Минкультуры РФ, а также на научных конференциях (в т.ч. международных) и научных семинарах в РГГУ (Москва), университете Линьянь (Гонконг), 24-м Международном конгрессе Архитекторов (Токио).

Основные положения и материалы исследования изложены в научных и научно-популярных публикациях на русском и английском языках.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и содержит введение, четыре главы и заключение, с подведением итогов. Общий объем текста около 12 а. л. Библиографический список содержит более 250 наименований использованных и цитированных в исследовании работ, а также общих трудов, касающихся проблематики исследования, и новейших публикаций по темам глав. К тексту прилагается Том 2 Приложений в виде альбома иллюстраций, содержащего более 240 изображений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ:

Во введении обосновывается тема диссертации и ее актуальность, обозначается предмет исследования и круг проблем, выявляемых данной темой, определяются цели и задачи работы, содержится обзор научных публикаций, имеющих отношение к теме диссертации и послуживших основанием для методических и содержательных разработок исследования.

Глава 1. АРХИТЕКТУРНЫЕ КОНКУРСЫ НА КРУПНЕЙШИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ КОНЦА 1910-х – 1920-х ГОДОВ, КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КОНКУРСА ДВОРЦА СОВЕТОВ. Эта глава по

существу является вводной к основному предмету и проблематике исследования. В ней рассматривается феномен проектирования в первые годы советского периода «народного дворца», как крупнейшего общественного и, одновременно, официального, здания нового типа. Два наиболее значительных программных конкурса этой линии – конкурс на Дворец Рабочих 1919 г. в Петрограде и конкурс на Дворец Труда 1922–1923 г. в Москве стали отражением сложной и противоречивой ситуации стилистических поисков архитекторов периода. Хотя два конкурса разделены всего тремя годами, они имеют серьезные различия во всём – начиная от расположения задуманных комплексов (на периферии столицы или в самом центре) и заканчивая составом помещений «дворца» и стилистикой поданных проектов. Конкурс на Дворец Рабочих 1919 г. в Петрограде, проводившийся в два тура, окрашен романтическим духом первых послереволюционных лет. Он демонстрирует тяготение зодчества того времени к «романтизированному историзму» – от нероманики и неоренессанса, до неоклассики. Наиболее крупными проектами конкурса были признаны работы И.А. Фомина и А.Е. Белогруда. Фомин предложил монументальную пространственную композицию в греко-римском духе с использованием изобретенного им упрощенного дорического ордера, впоследствии названного «красная дорика»¹⁷. Белогруд в своем проекте под девизом «Крепость рабочих» обратился к «романтизированной архаике» – романскому стилю флорентийских палаццо.

Конкурс на Дворец Труда 1922–1923 гг. в Москве (на месте, позднее занятом гостиницей «Москва») проходил в остро переломный период борьбы стилей и поисков нового языка зодчества. Он стал этапным в изменении расстановки сил в советской архитектуре того времени. Он продемонстрировал, с одной стороны, прежнее численное преобладание мастеров, приверженных к романтизированной стилизации исторических стилей (А.Е. Белогруд, Н.А.

¹⁷ Отметим, что образные приемы, найденные И.А. Фоминым при проектировании Дворца рабочих в Петрограде, в дальнейшем были им применены при проектировании комплекса Дворца им. В.И. Ленина в Иваново-Вознесенске, и в переработанном виде были осуществлены в конце 1920—начале 1930-х гг. при строительстве грандиозного ИВПИ – Иваново-Вознесенского политехнического института.

Троцкий), но одновременно, в ситуации обострившейся борьбы двух основных течений (традиционалистов и авангардистов), показал появление ярких представителей нового экспериментального направления (братья А.А., В.А, Л.А. Веснины). Особо выделялись работы, выполненные в остро-символической манере с преувеличенно динамичными формами из арсенала промышленных деталей (И.А. Голосов, К.С. Мельников, Г.М. Людвиг).

В традиции советской искусствоведческой науки 1960-х – 1980-х гг. по отношению к конкурсу на Дворец Труда сложилось правило рассматривать преимущественно один проект братьев Весниных, заявивший о стилистике нового авангардного направления архитектуры¹⁸. С течением времени отношение к другим проектам конкурса стало меняться и сегодня, в начале 21 века, когда в мировой и российской архитектуре уже не так очевидна правомерность доминирования одного интернационального стиля, как это было в 1960-е – 70-е гг., представляется целесообразным рассмотреть всю богатейшую стилистическую палитру, которая была представлена на конкурсе Дворца Труда.

Глава 2. КОНКУРС НА ДВОРЕЦ СОВЕТОВ В МОСКВЕ. ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ТУРЫ.

Параграф 1. Архитектурная ситуация в СССР в конце 1920-х – 1-й половине 1930-х гг. Дискуссия о стилистической направленности советской архитектуры. Краткий перечень основных сооружений. В этой части рассмотрена общая архитектурная ситуация накануне конкурса, в ходе проведения туров конкурса в 1931–1933 гг. и сложения окончательного варианта осенью 1933 – зимой 1934 гг., а также период корректировки проекта во 2-й половине 1930-х гг. Характеристика архитектурной ситуации сопровождается хронологической таблицей с указанием основных событий и построек.

¹⁸ В конце 1960-х гг. В.Э. Хазанова справедливо подчеркивала, что кроме единственного выдержанного в новаторском духе проекта братьев Весниных «... сейчас только в узком кругу специалистов изредка возникает интерес к остальным работам конкурса, да и то в связи с творчеством отдельных архитекторов...» См.: В.Э. Хазанова. Советская архитектура первых лет октября. 1917 – 1925 гг. М., 1970. С. 139-140.

Во 2-й половине 1920-х гг. в Москве и крупнейших городах страны в строительстве важнейших объектов – общественных и административных сооружений, жилых комплексов – доминировало авангардное стилистическое направление архитектуры, представленное рядом творческих группировок, из которых наиболее значительными были конструктивисты, во главе с М.Я. Гинзбургом и братьями Весниными¹⁹, и рационалисты, во главе с Н.А. Ладовским²⁰. Одновременно существовал широкий круг архитекторов традиционалистского направления. Их можно разделить на два уровня: к первому относились мастера «старой школы» в провинции, работавшие в духе сглаженной или классицизированной эклектики; ко второму – столичные мастера-неоклассики со значительным опытом работы до 1917 г. – А.В. Щусев, И.А. Фомин, И.В. Жолтовский и др. Многие из них, особенно И.В. Жолтовский, завоевали большой авторитет среди студенчества. Кратко очерченная ситуация в области сосуществования разной стилистики в советской архитектуре конца 1920-х гг. в реальности была еще более сложной и противоречивой: из-за внутренних разногласий и борьбы группировок началось деление ассоциаций авангардистов. Этому были и объективные причины: в практике массового конструктивистского строительства конца 1920-х гг. появились откровенно заурядные здания низкого художественного уровня; негативные явления формальной имитации архитектуры конструктивизма вызывали его критику. Параллельно создавались отдельные сооружения в стилистике неоклассики и ар деко²¹, которые расшатывали доминирование новаторского стиля. Новым фактором нестабильности, а позднее – и разрушения единства рядов архитекторов авангарда, стало возникновение в среде студенчества МВТУ новой организации ВОПРА²², члены которой на первых порах провозгласили популистскую критику всех без исключения стилистических направлений в

¹⁹ Конструктивисты объединились в «ОСА» – Объединение Современных Архитекторов.

²⁰ Рационалисты объединились в «АСНОВА» - Ассоциацию Новых Архитекторов.

²¹ Библиотека им. Ленина в Москве по проекту В. Щуко и В. Гельфрейха, выигравших конкурс в 1928 г.

²² Всероссийское объединение пролетарских архитекторов.

архитектуре, как правых, так и левых; а в дальнейшем, в 1930-е гг., обратились к откровенным стилизациям в исторических стилях (которые до этого ими же критиковались). Как метко отмечает С.О. Хан-Магомедов, ВОПРА, ослабляя позиции архитектурного авангарда «на деле... расчищали путь традиционалистическим течениям»²³. В области политики и идеологии советского государства в это время наметились значительные изменения, направленные на усиление «классовой борьбы» и на развертывание репрессивной системы. В области культуры ставилась задача взятия «под контроль» всех видов деятельности: стало усиливаться давление на развитие всех видов искусства, завершившееся окончательным переходом весной 1932 г. к практике командного руководства искусством. Однако, в силу особенностей архитектурной деятельности, требующей значительного времени от начала проектирования до завершения строительства, в 1-й половине 1930-х гг., в реальности, практике и теории советской архитектуры сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, в этот период осуществлялось возведение крупнейших и лучших по художественному уровню сооружений в стилистике авангарда; с другой стороны – в области теории всё сильнее становились тенденции критики архитектуры авангарда и переориентации советского зодчества на путь использования «наследия прошлого».

Параграф 2. Зарождение идеи Дворца Советов в 1920-е гг. Первый тур конкурса на Дворец Советов 1931 г. Название «Дворец Советов» официально появилось в 1924 году. Во время первого после смерти В.И. Ленина Съезда Советов, архитектурная группа АСНОВА выдвинула «идею постройки на месте храма Христа Спасителя Дворца советов»²⁴. Идея создания «дворца-монумента» Ленину отличалась от предыдущего типа народного Дворца, как общественного комплекса нового типа, описанного в первой главе.

Непосредственным предшественником Дворца Советов был Дом Съездов, задуманный в начале 1931 г. на месте у Охотного ряда (где впоследствии

²³ С.О. Хан-Магомедов. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996 г. С. 622.

²⁴ Дворец Советов // Советская архитектура, М., 1931, №.4. с.52.

возвели «Дом СТО»). 17 апреля 1931 г. название Дома Съездов было официально заменено на Дворец Советов²⁵. В начале 1931 г. была создана структура управления проектированием и строительством Дворца Советов²⁶.

Первый предварительный закрытый тур конкурса на Дворец Советов проходил весной и в начале лета 1931 г. В программе определялись площадь здания (до 50 тыс. кв. м.) и состав помещений, среди которых главными были два больших зала (на 10 тыс. и 5 тыс. человек) и три малых. Интереснейшей особенностью структуры комплекса на этом этапе было требование «пропускать через зал демонстрации», чтобы продемонстрировать «огромное значение непосредственно близкой и видимой связи участников собраний в Доме Съездов с массами». Таким образом, сама композиция Дворца Советов предусматривала его включение в драматургию многотысячных массовых действий, которые должны были разворачиваться вокруг и внутри него (это условие сняли после второго тура). В программу был включен ряд пунктов об идеологическом значении архитектуры Дворца Советов²⁷. В ходе первого тура было принято 15 проектов: Б. Иофана, А. Никольского, Г. Людвига, Н. Ладовского, ЛОВАНО (Ленинградское Областное Отделение Всесоюзного Архитектурно-Научного Общества), АСНОВА, ВОПРА, АРУ (Ассоциация архитекторов-урбанистов), ОСА, Д. Иофана, Г. Красина и П. Куцаева, САСС (2 проекта), В. Фидмана, А. Щусева²⁸. В качестве участка для Дворца Советов в этом туре было предусмотрено несколько вариантов, в том числе место храма Христа Спасителя, место ГУМа, Болотная площадь и другие.

²⁵ ЦАГМ ф.694, оп.1, д.19, л.29.

²⁶ Важнейшим рабочим органом при ССДС (Совете Строительства Дворца Советов при Президиуме ЦИК СССР) был УСДС (Управление Строительством Дворца Советов), возглавляемый Начальником Управления. Роль совещательного и рекомендационного органа играл НТС (Научно-Технический Совет, включавший архитектурно-строительную группу, группу рабочих предложений и зрелищную группу, в которые входили крупнейшие инженеры, архитекторы, художники, писатели, театральные режиссеры).

²⁷ Например, дизайн зала «должен соответствовать 1. характеру эпохи, воплотившей волю трудящихся масс к строительству социализма, 2. назначению сооружения: обслуживание съездов Советов, партийных съездов, конференций, массовых собраний и демонстраций и пр., 3. художественно-архитектурному памятнику столицы СССР» - Главный Архив Российской Федерации (ГАРФ) ф.5446, оп.32, ед.хр.9, л.110.

²⁸ Проекты были опубликованы в журнале «Советская архитектура» за 1931 г. в № 4, и выставлены на обозрение в Государственном историческом музее 13 июля 1931 г. ЦАГМ ф.694, оп.1, д.11, л.45.

После подробного рассмотрения проектов первого тура в работе сделаны следующие выводы: 1. Материалы 1-го тура конкурса являются интереснейшим материалом для понимания хода развития советского зодчества накануне официального объявления об изменении стилистической направленности советской архитектуры. 15 проектов, представленных ведущими архитекторами того времени, отразили сложившееся к началу 1931 г. почти полное доминирование авангардного направления (правда, в 1-ом туре не участвовали виднейшие представители традиционализма, и прежде всего, И.В. Жолтовский и его последователи). 2. В объемно-пространственных композициях проектов можно выявить несколько типов: а). единый центрический пирамидальный ступенчатый объем (в работах Красина и Куцаева, Людвига); б). главный центрический объем дополнен башней-небоскребом (в работах АРУ, Бронштейна, Ладовского, Розенблюма) или пониженным корпусом (в проекте АСНОВА, Никольского, САСС-2) или системой низких корпусов (в проекте ВОПРА, САСС-1). 3. В трех проектах задуманы более сложные композиции из многих разномасштабных объемов (Б. Иофана, Д. Иофана, А. Щусева). 4. Особой выразительностью обладает проект В. Фидмана, задумавшего подчеркнуть пластичную форму единого корпуса, в формах которого выражено движение: здание в перспективном изображении напоминает летящий вперед локомотив. 5. Весьма эффектны разработки пространств для массовых шествий и военных парадов (в проектах АСНОВА, АРУ, ВОПРА, Б. и Д. Иофанов, Н. Ладовского и др.).

Параграф 3. Второй тур: открытый международный конкурс на Дворец Советов. Эта часть посвящена ключевому и, пожалуй, наиболее интересному этапу конкурса на Дворец Советов. Он проходил с 18 июля по 1 декабря 1931 г. и явился одним из крупнейших архитектурных событий того времени не только в СССР, но и мире. По сравнению с первым туром, программа была уточнена. Местом расположения Дворца Советов был определен участок храма Христа Спасителя; в состав комплекса должны были войти 4 группы помещений: «А» – с залом на 15 тыс. человек, «Б» – с залом 5 тыс., «В» – с двумя парами залов на

500 и 200 мест, «Г» – для хозяйственного управления²⁹. Стиль сооружения не был определен, но подчеркивалась его уникальность, как воплощения воли «трудящихся к строительству социализма» и «как художественно-архитектурного памятника столицы СССР». Всего на конкурс было подано 160 проектов (12 заказных, 135 конкурсных, 13 внеконкурсных, из них 24 проекта иностранных архитекторов) и 112 отдельных проектных предложений³⁰. Группа иностранных архитекторов (большинство их проектов входило в особую категорию заказных внеконкурсных) была чрезвычайно представительной и включала приверженцев разных стилей: авангарда (В. Гропиус, Ле Корбюзье, Р. Нейтра и др.), романтизированной неоклассики (А. Бразини, О. Перре, М. Пьячентини), экспрессионизма (Э. Мендельсон, Х. Пёльциг), ар деко (Г. Гамильтон и др.).

Согласно результатам второго тура, опубликованным 28 февраля 1932 г., было присуждено 16 премий: по 3 высших и первых, по 5 вторых и третьих; 50 проектов и 21 рабочее предложение были приобретены. Тем не менее, в целом Совет строительства Дворца Советов объявил, что «ни один из проектов международного конкурса нельзя считать окончательным».

Далее последовательно подробно рассмотрены проекты следующих групп: заказные работы иностранных архитекторов (13 проектов) и премированные (16 проектов). Непремированные работы разобраны менее детально, но сгруппированы по типу пространственных структур. В этой части исследования представлялось важным абстрагироваться от идеологического и политического контекста того времени и сосредоточиться на вопросах чисто архитектурных – планировки, стиля и объемно-пространственных композиций задуманных сооружений.

В работах иностранных авторов Дворец Советов имел, как правило, продольно-симметричный план. *По принципу планировки и форме плана и*

²⁹ ЦАГМ. Ф. 694, оп.1, д.2, л.4. – л.6 об.

³⁰ Филюкова Н.И. Каталог коллекции проектов конкурса на Дворец Советов Музея им. Щусева в Москве. М., 1989 г.; С.О. Хан-Магомедов. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001 г. С. 471; Д. Хмельницкий. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007 г. С. 86;

объема их можно разделить на 2 группы: 1). задуман единый объем (пусть и сложной конфигурации) или объем с общим центром (проекты А. Бразини, Э. Мендельсона, В. Гропиуса, Урбана, Т. Ламба); 2). задуман комплекс из двух главных объемов, разделенных пространством площади (работы Ле Корбюзье, О. Перре, Х. Пёльцига, Н.В. Васильева, Персимана и Гудмана, бригады немецких авторов ГИПРОВТУЗа). По стилистическим решениям выделено три группы. 1-я: стиль авангардной геометризированной архитектуры (проекты В. Гропиуса, Ле Корбюзье, Э. Мендельсона, Н.В. Васильева, Персимана и Гудмана, Г.Б. Красина, ГИПРОВТУЗа). Во многих проектах применено механическое повторение одинаковых форм главных корпусов большого и малого залов (например, у Ле Корбюзье). 2-я: экспрессионизм с мотивами историзма (проекты А. Бразини, Й. Урбана). Особенно ярок проект Бразини, в котором доминируют футуристические мотивы в духе неоренессанса. 3-я: традиционализм с мотивами упрощенной неоклассики и ар деко (работы Т. Ламба, О. Пере, Х. Пёльцига).

Чрезвычайно показательную группу составили работы, получившие высшую премию – ни один из них не относился к направлению авангардного зодчества. Задуманное американцем Г. Гамильтоном горизонтально вытянутое сооружение имело характерную для ар деко «пилоно-лопаточную» разбивку фасадов. В проекте И.В. Жолтовского ансамбль в стилистике неоренессанса имел прямые отсылки к формам московского Кремля. Корпуса Большого и Малого залов разделены площадью, но периметральные галереи и аркады объединяют строения в единый «крепостной» комплекс с башней-«кампаниллой». В проекте Б.М. Иофана, близком стилистике ар деко, задуман комплекс из двух разделенных площадью корпусов Большого и Малого залов и тонкой башни, увенчанной скульптурой рабочего.

Разбор остальных премированных работ (К. Алабяна и В. Симбирцева, Я. Додицы и А. Душкина, А. Жукова и Д. Чечулина, И. Лангбарда, Г. Гольца, И. Соболева и М. Парусникова, И. Лихачева и других) подводит к выводу о приблизительно равном количестве в этих группах проектов в авангардном и

традиционалистском стилях. В целом, суммируя анализ всего корпуса проектов тура, делается вывод о существенном преобладании вариантов в духе экспериментального проектирования, которые являются интереснейшим собранием архитектурной мысли той эпохи.

В завершающем разделе главы дается разбор открытого тура конкурса в советской архитектурной печати того момента (в статьях А. Щусева, Г. Бархина и др.), где особенно высоко оценивался элегантный проект Ле Корбюзье. Далее проведен анализ положений официального Постановления³¹, в котором были определены конкретные требования к композиции будущего Дворца Советов, при его разработке в последующих закрытых турах конкурса³².

Глава 3. КОНКУРС НА ДВОРЕЦ СОВЕТОВ. ЗАКРЫТЫЙ ЭТАП: ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ТУРЫ. ФОРМИРОВАНИЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ВАРИАНТА.

Параграф 1. Третий тур: март – июль 1932 г. К участию в третьем туре были приглашены 13 ведущих советских архитекторов и авторских групп³³. Несмотря на усложнившиеся «внешние» условия проведения тура, во время которого 23 апреля 1932 г. опубликовали Постановление ЦК КПСС «О перестройке литературно-художественных организаций», означавшее утверждение руководящей роли партии в вопросах развития искусства, разнообразие образных решений, представленных в проектах тура велико.

Стилистически в туре перевес оказался на стороне проектов, выполненных в духе вариаций обращения к формам прошлого (8 проектов). Но диапазон стилистических трактовок было весьма большим: от brutального варианта

³¹ «Об организации работ по окончательному составлению проекта Дворца Советов Союза ССР в гор. Москве» от 28 февраля 1932 г.

³² «... Дворец Советов должен быть единым комплексом, с размещением главных зал групп А и Б в одном здании...», «не допускается соединение главных зал в один зал», «...преобладающую во многих проектах приземистость зданий необходимо преодолеть смелой высотной композицией сооружения» и «при этом желательно дать зданию завершающее возглавление» См. текст Постановления в книге: Дворец Советов. М., 1933. С. 56.

³³ 1. И. Жолтовский, 2. Б. Иофан, 3. В. Шуко и В. Гельфрейх, 4. Я. Додица и А. Душкин, 5. К. Алабян и В. Симбирцев, 6. братья Веснины, 7. А. Жуков и Д. Чечулин, 8. И. Голосов, 9. Н. Ладовский, 10. М. Гинзбург, 11. Г. Людвиг, 12. группа «ВАСИ» под руководством А. Власова, 13. А. Щусев.

историзма в проекте А.Ф. Жукова и Д.Н. Чечулина, до романтизированной неоклассики с преобладанием тем античности в работе группы А.В. Власова и до выразительного проекта А.В. Щусева в духе фантазий Пиранези. Наиболее последовательными приверженцами авангардного направления оказались Н.А. Ладовский и М.Я Гинзбург. В проектах братьев Весниных и И.А. Голосова значительную роль в образном решении играла символическая скульптура, использование которой было не характерным в период расцвета архитектуры авангарда. С точки зрения *объемно-пространственной структуры* в преобладающем числе проектов корпуса Большого и Малого залов разделены, при этом, корпус Большого зала подчеркнуто доминирует в композиции. В четырёх проектах задумано создание единого объема Дворца Советов, увенчанного башнеобразной частью: в проектах К.С. Алабяна, Я.Н. Додицы и А.Н. Душкина, И.В. Жолтовского, А.В. Щусева. Показательно, что эту группу составляют наиболее выдающиеся по художественному дарованию архитекторы, обладавшие, кроме того, лучшей интуицией.

Параграф 2. Четвертый тур: август 1932 – февраль 1933 гг. Третий тур не выявил окончательного победителя. Для участия в четвертом туре пригласили 5 архитектурных групп³⁴. В разделе подробно рассмотрены все проекты тура. С точки зрения *стилистической направленности* в большинстве работ, за исключением конструктивистского проекта братьев Весниных, наблюдается тяготение к одному течению – подчеркнуто монументальному неоклассицизму. В двух случаях мотивы неоклассицизма соединены с формами ар деко: в башнеобразных композициях проектов К.С. Алабяна и Б.М. Иофана. С точки зрения *объемно-пространственной композиции и поисков художественного образа* Дворца Советов этот тур конкурса, на наш взгляд, в целом, не только не продемонстрировал большого продвижения вперед, но, напротив, для большинства участников, стал отходом назад: во всех вариантах композиции тяжеловесны, формы подавляют гигантским масштабом.

³⁴ 1. И. Жолтовского и А. Щусева, 2. В. Шуко и В. Гельфрейха, 3. братьев Весниных, 4. Б. Иофана, 5. К. Алабяна, В. Симбирцева, Я. Додицы, А. Душкина и А. Власова.

Параграф 3. Формирование окончательного варианта проекта Дворца Советов. Проект Б.М. Иофана четвертого тура, с основным объемом в форме ярусной цилиндрической башни, игравшей декоративную роль «оболочки», внутри которой помещен большой купольный зал, в мае 1933 г. приняли «за основу» для дальнейшей доработки. В Постановлении Совета строительства было дано прямое указание: «...Верхнюю часть Дворца Советов завершить мощной скульптурой Ленина величиной 50 – 75 метров, чтобы Дворец Советов представлял вид пьедестала для фигуры Ленина»³⁵. В рабочую группу для доработки проекта Дворца Советов были введены маститые зодчие В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх. В разделе рассматриваются этапы сложения осенью 1933 г. окончательной версии ярусной сужающейся вверх композиции Дворца Советов, увенчанного гигантской статуей Ленина (с общей высотой вместе со статуей до 400 м.). Проект утвердили 19 февраля 1934 г. Важнейшим вопросом, возникшим на заключительном этапе рабочего проектирования, стала разработка конструкций и технологического оснащения. Ввиду уникальности задуманного высотного сооружения для строительной практики СССР тех лет, возникла необходимость использования новейшего зарубежного опыта, и особенно практики возведения небоскрёбов США. В тексте описаны цели и итоги командировок Б.М. Иофана и его соавторов в США в 1934–1935 гг. для детального изучения технологий возведения высотных сооружений. Одним из важных выводов является утверждение, что влияние архитектуры небоскрёбов США рубежа 1920-х – 1930-х гг. отразилось не только на разработке конструктивной системы Дворца Советов, но и на его стилистике, близкой формам ар деко и романтизированного экспрессионизма высотных зданий США этих лет.

Глава 4. АРХИТЕКТУРА ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА В ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, США, ЯПОНИИ. ФЕНОМЕН МНОГОСТИЛЬЯ И «ОФИЦИАЛЬНОГО СТИЛЯ» В МИРОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ 1930-х гг.

³⁵ Строительство Москвы. 1933 г. № 5-6. С. 2.

Для понимания места такого явления художественной культуры, как конкурс на Дворец Советов в Москве, и места советского зодчества 1930-х гг. в мировом архитектурном процессе, в главе сделана попытка рассмотреть этот процесс на примере нескольких стран – Германии, Италии, США, Японии. При обращении к материалу каждой страны поставлена задача объективно показать многообразие происходивших в ее архитектуре явлений, выявить отличия и закономерности архитектурного развития. *Параграф 1. Архитектура Германии.* Рассмотрен сложный и противоречивый ход развития зодчества страны в 1900-е – 1930-е гг., который определялся постоянной борьбой традиционализма и новаторства. При чем представители последнего – члены основанного в 1907 г. союза Веркбунд, в 1920-е гг. рассматривались молодыми новаторами, участниками созданного в 1919 г. Баухауза, уже как устаревшее явление. Одновременно в это же время существовали «почвеннический историзм», экспрессионизм и неоклассицизм. В 1930-е гг. авангардное направление было объявлено «большевистским» и запрещено, главным стилем знаковых сооружений Третьего Рейха стала brutальная неоклассика, но при возведении домов отдыха или школ молодых нацистов применяли романтизированный историзм. В *Параграфе 2. Архитектура Италии* показано своеобразие развития зодчества этой страны, где в 1910-е – 1930-е гг. (и даже 1950-е) сохранялась мощная традиция неоренессанса и неоклассицизма, при одновременном развитии экспрессионизма и интернационального стиля. Сосуществование различных стилей происходило в более мирной и цивилизованной форме, хотя для наиболее репрезентативных комплексов 1930-х гг. применяли «официальную» аскетическую неоклассику. В *Параграфе 3. Архитектура США*, учитывая существование очень большого разнообразия стилей в зодчестве страны в 1900-е – 1930-е гг., рассмотрены только два явления: 1). неоклассика официального строительства (Federal Style), в 1920-е – 1930-е гг. проявившаяся в масштабном комплексе государственных учреждений в Вашингтоне; 2) историзм и экспрессионизм, доминировавшие в 1900-е – начале 1930-х гг. в архитектуре американских небоскрёбов. В

Параграфе 4. Архитектура Японии показана параллельность развития зодчества страны по сравнению с мировыми процессами (наличие нескольких официально поддержанных традиционалистских течений, но и экспрессионизма и конструктивизма), но и значительное запаздывание в 1920-е – 1930-е гг. в осмыслении языка экспериментального строительства.

В *Параграфе 5. Иностранная пресса и зарубежные архитекторы о международном конкурсе на Дворец Советов в Москве начала 1930-х гг.* при рассмотрении реакции на результаты конкурса показана неоднозначность и многообразие оценок. В целом, сделан достаточно неожиданный вывод о положительном отношении многих зарубежных изданий к вниманию на конкурсе к проектам в стилистике традиционализма, что вероятно объяснялось общемировыми тенденциями развития архитектуры в 1930-е гг. и ростом числа неоклассицистических репрезентативных построек в большинстве стран Европы, а также США и Японии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

С точки зрения исторической и историко-архитектурной науки на основе материалов диссертации можно сделать следующие выводы:

1. Архитектура России и других стран мира первых четырех десятилетий XX века характеризуется многостильем – сосуществованием различных стилистических течений: с одной стороны традиционалистских направлений, унаследованных от прошлых эпох, и прежде всего XIX века, и с другой стороны новаторских направлений появившихся в 1900-е – 1920-е гг. В количественном отношении при рассмотрении всей совокупности построек этого периода можно констатировать, что постройки в традиционной стилистике в большинстве стран (особенно в Италии, США) преобладали.
2. 1930-е годы – особое переломное время для всего мира в области политико-социологических и экономических процессов, что привело к изменениям в архитектурном процессе. В эти годы в большинстве стран мира, после подъема и роста новаторской экспериментальной архитектуры 1920-х гг., наступил этап возрождения в зодчестве традиционализма, и прежде всего его ветви –

неоклассицизма. При этом, в области формотворчества этот период ознаменовался значительной концентрацией ярких художественных идей.

3. Реальное соотношение архитектурных построек, относившихся к двум ветвям её развития – традиционалистскому и новаторскому – в каждой стране в 1930-е гг. было индивидуальным и зависело от особенностей истории и политико-социальной и экономической ситуации.

4. Конкурс на Дворец Советов начала 1930-х гг. в Москве занимает особое, еще не до конца оцененное, место в мировом историко-архитектурном процессе 1930-х гг. Конкурс стал одним из крупнейших архитектурных событий своего времени. В четырёх турах конкурса приняли участие более 300 проектов. В диссертации впервые предпринята попытка рассмотрения, в рамках каждого тура, большинства проектов конкурса с точки зрения планировочной и объемно-пространственной композиции, а также с точки зрения образной и стилистической трактовки.

5. Собственно архитектурное наследие конкурса Дворца Советов можно рассматривать как уникальное собрание проектов крупного общественно-зрелищного комплекса, включающего два больших зала и значительное число служебных помещений. Большинство проектов, выполненных ведущими архитекторами СССР и мира, обладают значительным художественным потенциалом в области пространственно-планировочных решений и объемных композиций. Применительно к интереснейшим материалам конкурса актуально понятие С.О. Хан-Магомедова о «неучтенном» наследии, которое должно стать в будущем источником идей формообразования.

6. Для выявления особенностей объемно-пространственных решений в проектах конкурса создана классификация, в основе которой лежат варианты взаимного расположения объемов двух главных залов комплекса Дворца Советов и служебных помещений. При этом с точки зрения законов формообразования все проекты конкурса можно разделить на две большие группы, принадлежащие к разным системам архитектурного языка: языка абстрактных геометризованных форм новаторского направления

«современной архитектуры» или «интернационального стиля», и основанного на сочетании архитектуры геометрических форм и образно-исторических реминисценций языка традиционалистского направления.

7. Несмотря на то, что конкурс на Дворец Советов ознаменовал инициированный государственной надстройкой переход советского зодчества к традиционалистскому, преимущественно неоклассицистическому, направлению, большая часть из всего объема представленных проектов выполнена в стилистике экспериментальной новаторской архитектуры. Наряду с всемирно известными проектами, такими как работа Ле Корбюзье для второго международного тура, в материалах конкурса (особенно второго тура) представлены десятки интереснейших, но практически неизвестных, студий ведущих советских и зарубежных мастеров авангарда того времени.

8. Вторую часть наследия конкурса составляют проекты, выполненные в стилистике неоклассицизма и различных вариаций традиционалистского течения, от романтического неоренессанса в духе Пиранези до ар деко. Нельзя не отметить, что ряд работ отличается откровенно эклектическим набором изобразительных средств, однако многие проекты, выполненные выдающимися мастерами своего времени (например, И.В. Жолтовским, А.В. Щусевым, А.Н. Душкиным и другими), обладают громадным эстетическим потенциалом.

9. Наряду с максимально подробным разбором художественных особенностей проектов каждого тура конкурса, в работе значительное внимание уделено рассмотрению причин и механики сложения в 1933–1937 гг. окончательного варианта проекта Дворца Советов В.А. Щуко, Б.М. Иофана и В.Г. Гельфрейха, принятого к строительству. Чрезвычайно полезным именно на этом этапе оказалось выявление «параллелей» в развитии архитектуры в СССР и других стран мира – причем, не только в относительно близких к России по общей логике архитектурного развития в первой трети XX в. Германии и Италии, но и США и Японии.

10. Одним из важнейших практических достижений проекта Дворца Советов 1930-х гг. стало освоение североамериканских инженерных технологий

строительства высотных зданий. Это позволило в послевоенные годы возвести в Москве целую группу высотных зданий, ставших важнейшими градостроительными и архитектурными доминантами центральной зоны города, обогативших городскую структуру и городской пейзаж. Это же касается и самой архитектуры московских высотных зданий (как неосуществленного Дворца Советов, так и реализованных после войны), в формах силуэтов и фасадной обработке которых можно усмотреть прямую связь с архитектурой небоскрёбов США конца 1920-х – начала 1930-х гг.

11. Конкурс на Дворец Советов начала 1930-х гг. в Москве нельзя рассматривать изолированно от развития зодчества в СССР 1930-х – 1950-х гг. Одним из интереснейших предметов для будущих исследователей должна стать тема влияния и развития идей, заложенных в проектах конкурса, на разработку общественных сооружений советского неоклассицизма – театров, дворцов культуры, клубов и кинотеатров.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Судзуки Ю. Архитектурные конкурсы на крупнейшие общественные здания конца 1910-х – первой половины 1920-х годов как предшественники конкурса на Дворец Советов // Искусствознание. №1-2/13. М., 2013. С. 180–205 (1,5 а. л.).
2. Судзуки Ю. Зарубежная пресса о Всесоюзном открытом туре архитектурного конкурса на проект Дворца Советов в Москве // Academia. М., 2014. № 1. С. 55–57 (0,3 а. л.).
3. Судзуки Ю. Архитектура тоталитарной эпохи 1930-х – 1940-х гг. в Японии // Обсерватория культуры. М., 2014. № 1. С. 75–81 (0,7 а. л.).

Публикации в сборниках статей и научно-популярных журналах:

4. Судзуки Ю. Формирование «нового стиля» в процессе окончательного проектирования Дворца Советов // Классическая традиция в архитектуре и изобразительном искусстве Новейшего времени. Научная конференция MONUMENTALITA&MODERNITA. Журнал Капитель. СПб., 2013. 7 с. (0,25 а. л.).

5. Судзуки Ю. Восприятие зарубежной прессой архитектурного конкурса на лучший проект Дворца Советов // Италия, Германия, Россия... Проблемы восприятия, интерпретации и сохранения архитектурно-художественного наследия «тоталитарного периода». Научная конференция MONUMENTALITA&MODERNITA. Журнал Капитель. СПб, 2011. С. 7. (0,25 а. л.).

6. Судзуки Ю. Тоталитарная архитектура в 1930–40 гг. в Японии // «Orientalita et Classica»: Труды института восточных культур и античности. Вып. 5. М., 2012. С.241–256. (0,75 а. л.).

Доклады на международных конференциях:

7. Suzuki Y. The Co-relation between the General City Plans and the Protection of the Architectural Heritage in the 20 – early 21 Centuries on the example of Moscow, Russia // UIA 2011 Tokyo The 24th World Congress of Architecture. UIA World Congress. The International Union of Architecture. Tokyo, 2011. (доклад на английском языке), 7 с. (0,25 а. л.); <http://www.uia2011tokyo.com/en/>).

8. Судзуки Ю. Тоталитарная архитектура в Японии в 1930-40 гг. // 14-я конференции «История и культура Японии». Научная конференция «История и культуры Японии». РГГУ. М., 2013. 7 с. (0,25 а. л.).

9. Suzuki Y. The Role of the Architectural Competitions for "the Palace of Soviets" in the 1930s in the USSR Totalitarian Regime //ACS Crossroads 2010 in Hong Kong. Crossroads in Cultural Studies Conference. Lingnan University. Hong Kong, 2010. (доклад на английском языке), 7 с. (0,25 а. л.).

Общий объем опубликованных работ: 4,25 а. л.